

**«Мягкая сила» России и Европейского союза в регионе «общего соседства»**

**Научный руководитель – Волкова Анна Владимировна**

***Бугаев Федор Николаевич***

*Аспирант*

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии,

Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: fedor.bugayev@gmail.com*

Постсоветское пространство как часть глобальной системы безопасности подвержено значительным геополитическим трансформациям. Обострившаяся до предела борьба за сферы влияния в регионе вылилась в эскалацию Украинского кризиса и всерьез поставила вопрос о реформатировании складывавшихся на протяжении трех десятилетий отношений России с республиками бывшего СССР, а также о реконфигурации системы российской публичной дипломатии с учетом новых обстоятельств. Активизация усилий Украины, Грузии и Молдовы по вступлению в Европейский союз на фоне происходящих событий демонстрируют решительность правительства каждого из этих ассоциированных с ЕС государств на пути евроинтеграции. Россия, в свою очередь, оказавшись в условиях международного изоляционизма в связи с введением западных санкций, будет, напротив, стремиться нарастить свое давление на регион «общего соседства» для обеспечения собственных гарантий безопасности и закрепления за собой эксклюзивного права на сферу влияния.

Актуальность темы исследования обусловлена растущей ролью инструментов «мягкой силы» для обеспечения внешнеполитических интересов субъектов международных отношений в условиях полицентричного мироустройства. Регион «общего соседства» как неотъемлемая часть постсоветского пространства для России и «Восточного партнерства» для ЕС представляет собой место столкновения интересов различных крупных игроков, что является причиной повышенного интереса к реализации на этой территории публичной дипломатии. Кроме того, характерная для рассматриваемых государств полицивилизационность открывает широкие возможности по оказанию влияния на внешнеполитические ориентиры стран субрегиона посредством инструментов «мягкой силы».

Под «мягкой силой» в рамках работы следует понимать систему идей, ценностей, норм и принципов, которые конструируются под воздействием совокупности доминирующих в сознании политического истеблишмента дискурсов, обладают привлекательностью для принимающей эти нарративы страны и направлены на формирование устойчивого позитивного имиджа субъекта среди различных групп общества для обеспечения своих внешнеполитических интересов. Публичная дипломатия выступает в этой структуре как одно из центральных средств инструментализации «мягкой силы» [2], представляющее собой своеобразный двусторонний канал коммуникации между субъектом «мягкой силы» и зарубежной аудиторией для вовлечения в диалоговые форматы сотрудничества [6].

Действующие российские проекты и программы публичной дипломатии направлены на вовлечение местного населения в инициативы, содержанием которых выступает сохранение коллективной исторической памяти, пробуждение ностальгических настроений по периоду сосуществования в рамках одного государства, артикуляция и продвижение альтернативной превалирующей в западном дискурсе точки зрения на международные события [1], а также формирование образа России, сочетающего «жесткие» и «мягкие» форматы сотрудничества [5]. Беларусь и Армения охотно перенимают

транслируемые нашей страной нарративы, которые выстраиваются на общем культурно-историческом прошлом, в то время как Грузия оказывается поверхностно вовлечена в многосторонние проекты с Россией в связи с лимитированностью механизмов публичной дипломатии. Не до конца использован потенциал «церковной» и общественной дипломатии - тех областей, где наиболее вероятен деполитизированный диалог и усиление межличностных контактов. Молдова и Азербайджан характеризуются более дифференцированной внешней политикой, чем указанные выше акторы, в связи с чем воздействие механизмов российской «мягкой силы» ограничено и встречает прямую конкуренцию со стороны других игроков, в первую очередь - со стороны ЕС. Украинский кейс заслуживает отдельного упоминания, однако в настоящее время достаточно сложно судить о том, сохранит ли Украина свою государственность и если да, то в каком виде и в каких границах. Тем не менее, можно предположить, что Россия переориентирует значительную долю собственных ресурсов в области «мягкой силы» именно на Украину для выстраивания благожелательного имиджа, восстановления утраченных межкультурных контактов и налаживания полноценного диалога с академическими кругами, представителями бизнеса и простой общественностью. Путь этот будет долгим и тернистым, но необходимым в той новой реальности, в которой нам предстоит существовать после завершения специальной военной операции.

Европейский союз, в свою очередь, выступает в регионе в качестве актора, содействующего трансформации внутривосточного ландшафта путем трансляции общеевропейских либерально-демократических ценностей. Армения, Грузия, Молдова и Украина в целом характеризуются высоким доверием к ЕС, однако европейская «мягкая сила» более активно проявляется именно в «Ассоциированном трио», что обусловлено значительными финансовыми вливаниями интеграционного объединения и относительной успешностью трех государств на пути к соответствию критериям членства [3]. Тем не менее, согласно опросам общественного мнения, в Армении также повышается эффективность применяемых ЕС инструментов и растет одобрение предлагаемых Евросоюзом инициатив гражданским обществом, что объясняется дискурсивным эффектом от внутривосточных трансформаций, связанных с «Бархатной революцией» 2018 г. Грузия же, напротив, на фоне углубления внутривосточного кризиса демонстрирует снижение позитивного восприятия программ публичной дипломатии ЕС. Заявки Украины, Грузии и Молдовы на предоставление статуса кандидата на вступление в Евросоюз выглядят шагом сугубо политическим и конъюнктурным. Если принятие Украины в ЕС по ускоренной процедуре могло бы стать символическим жестом общеевропейского единства в период кризиса безопасности, то европейские устремления Грузии и Молдовы являются ничем иным, как частью геополитического торга: оба государства не присоединились к антироссийским санкциям из экономических побуждений, а Европейский союз, в свою очередь, способен покрыть их финансовые издержки в обмен на лояльность принимаемым в Брюсселе решениям. Рассмотренные кейсы свидетельствуют о том, что Евросоюз зачастую излишне акцентирует внимание на ценностном компоненте своих проектов [4] и упускает превалирующие в государстве-реципиенте дискурсы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что российская «мягкая сила» в регионе «общего соседства» характеризуется доминированием дискурса об общем прошлом и выстраивается на базе социального консерватизма постсоветской модели, в то время как Европейский союз позиционируется как игрок, содействующий проведению демократических реформ и распространению либеральных ценностей в противовес сложившемуся в регионе статусу-кво. Важно также отметить, что эффективность «мягкой силы» и публичной дипломатии зависит не только от стратегии субъекта, но и от ряда внутривосточных факторов в самих странах-реципиентах, то есть от восприятия отдельными

категориями граждан тех или иных программ, что определяет их привлекательность в конкретном пространственно-временном контексте.

### Источники и литература

- 1) Бурлинова Н. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по международным делам (РСМД), доклад № 71/2021 / Российский совет по международным делам (РСМД), Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия». М.: НИ РСМД, 2021. 36 с.
- 2) Долинский А. В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 275-280.
- 3) Bentzen N. and Przetacznik J. Eastern Partnership 3.0. Principles, priorities, and prospects / European Parliament, Members' Research Service. 2020, PE 651.966. 21 p.
- 4) Crombois J. The Eastern Partnership: Geopolitics and policy inertia // European View. 2019. Vol. 18(1). P. 89-96.
- 5) Nye J. S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. No. 4. P. 160-163.
- 6) Zaharna R. S. Relational, networked, and collaborative approaches to public diplomacy: the connective mindshift. N.Y.: Routledge, 2013. 240 p.